А.В. СИКАЧЕВ
Кандидат архитектуры, профессор МАрхИ (Государственная академия) (1990–2015 гг.)
e-mail: av.sikachev@markhi.ru

A.V. SIKACHEV
Candidate of architecture, professor MArhI (State Academy) (1990–2015)
e-mail: av.sikachev@markhi.ru

DOI: 10.37485/1997-4663_2023_3_3_65_76

«ЗАДАЧА МОЛИНЬЮ»: НЕВОЗМОЖНЫЕ ФАКТЫ ГЛАЗАМИ ДИЗАЙНЕРА

«MOLYNEUX CHALLENGE»: IMPOSSIBLE FACTS IN THE EYES OF A DESIGNER

«Я» человека расщеплено на три связанные между собой, но относительно самостоятельные составляющие — Сознание, Подсознание и Сверхсознание. Наличие у человека нестандартного мышления, благодаря которому рождаются оригинальные идеи и принципиально новые проектные решения, — практически целиком заслуга Сверхсознания. Но оно общается с дизайнером на непонятном языке. Это и не слова, и не изображения. Чтобы подобную информацию продуктивно использовать, ее приходится переводить на более понятный дизайнеру язык. Автор на основании собственного опыта показывает примеры подобного перевода.

The «I» of a person is split into three interconnected, but relatively independent components — Consciousness, Subconsciousness and Superconsciousness. The presence of non-standard thinking in a person, thanks to which original ideas and fundamentally new design solutions are born, is almost entirely the merit of the Superconsciousness. But it communicates with the designer in an incomprehensible language. These are neither words nor images. In order

to use such information productively, it has to be translated into a language more understandable to the designer. The author, based on his own experience, shows examples of such a translation.

Ключевые слова: дизайн, архитектура, творчество, новаторство, психология, сверхсознание.
Keywords: design, architecture, creativity, innovation, psychology, superconsciousness.

В 20 веке наш соотечественник Г.С. Альтшуллер внес огромный вклад в познание творческого процесса, создав Теорию Решения Изобретательских Задач [1]. Развивая дальше свои идеи, он в конце жизни начал разработку Жизненной Стратегии Творческой Личности. Основная ее мысль заключалась в необходимости перейти от изобретения объектов к совершенствованию самого себя, своего «Я». Это был принципиально новый взгляд на проблему творчества.

До середины прошлого века принято было считать, что «Я» человека расщеплено на две связанные между собой, но все же относительно самостоятельные составляющие — сознаваемое (Сознание) и бессознательное (Подсознание). А в 1975 году академик П. Симонов внес очень важную коррективу в эту схему. Он вычленил из бессознательного особую, относительно самостоятельную часть, назвав ее Сверхсознанием [2]. За прошедшую половину столетия этот термин прочно вошел в научный оборот.

Все три части человеческого «Я» вносят определенный вклад в процесс архитектурно-дизайнерского творчества. Но каждая по-своему. Наличие у человека нестандартного мышления, благодаря которому рождаются оригинальные идеи и принципиально новые проектные решения, — практически целиком заслуга Сверхсознания. Сознание потом лишь детализирует, уточняя и обосновывая (задним числом) эти идеи.

Но как подобные творческие идеи возникают? Попытки опрашивать об этом самих творцов оказались малоэффективными. Чаще всего отвечают, что решение возникало практически мгновенно. А вот потом требовались большие усилия, чтобы все это объяснить другим — словами, формулами, рисунками, чем угодно. В то, что самому творцу ситуация представляется именно так, поверить можно. Но, скорее всего, процесс проходит намного сложнее. Судя по всему, сначала Сверхсознание каким-то образом подсказывает нам некое соображение. Это еще не реше-

ние, а нечто довольно аморфное. Когда студент заявляет мне, что он уже все придумал, осталось лишь это изобразить, вспоминаю знаменитую реплику К. Станиславского: «Не верю!». Скорее всего, в данном случае имеем дело с самообманом. Что-то у него в голове, конечно, появилось. Но это еще далеко не решения, превращающиеся вскоре в эскизы, а некие неясные идеи, чтобы не сказать — намерения. Для перевода их в «решения» потребуется еще очень и очень много работы.

Затем эти предварительные мысли мы начинаем «проговаривать» в своей голове. Сначала для самих себя. «Проговаривание» — один из важных этапов творческого процесса. Затем этот «внутренний перевод» мы пытаемся сообщить другим. И вот здесь возникают огромные трудности. Беда в том, что Сверхсознание общается с нами на каком-то непонятном языке. Это и не слова, и не изображения. А чтобы подобную информацию продуктивно использовать, ее приходится переводить на более понятный дизайнеру и всем остальным людям язык. Процесс этот исключительно трудный, длительный и пока еще очень непонятный.

Но все эти трудности — ничто по сравнению с теми, что возникают, когда пытаешься понять, что тебе сообщает твое Сверхсознание. Ведь это не просто другой язык. Это принципиально иной способ передачи информации. Он пока что слабо изучен. Но творческому архитектору и дизайнеру совершенно необходимо научиться понимать язык своего Сверхсознания.

У Сознания функции другие. Новаторские идеи возникают не на пустом месте. Любое творчество требует предварительного сбора информации. Архитектурно-дизайнерское в этом отношении — не исключение. Работа по поиску необходимой профессиональной литературы и ее постоянное изучение относятся как раз к компетенции Сознания. Этот вид деятельности настолько важен, что большому количеству специалистов занятие только им оказывается достаточным для вполне квалифицированной работы.

А еще есть Подсознание. Оно тоже связано с проблемой информации, но несколько иначе. На подсознательном уровне человек воспринимает и запоминает в десятки раз больше информации, чем осознанно. В то время как Сознание успевает распознать и запомнить лишь нечто самое сильное, Подсознание видит и помнит все. Весь полученный им огромный массив информации оно затем каким-то образом фильтрует. В результате до Сознания доходит далеко не все. Но то, что Сознанию не

было передано, не исчезает бесследно. «Мозг — не решето, через него ничего не просыпается. Всё, что туда попало, там и есть» [3]. Это огромный массив потенциально ценной информации. А поскольку подсознательная информация стирается гораздо медленнее, чем сознательная, в определенных случаях ее удается «скопировать» на сознательный уровень.

Однако просто извлечь нечто из Подсознания еще мало. Полученное еще нужно понять. Ведь любой факт, воспринятый человеком, превращается для него в информацию лишь после того, как он им «прочитан. Проблема прочитывания информации не нова. Еще в 1688 году была сформулирована так называемая «Задача Молинью». В ней этот ирландский натурфилософ ставил вопрос: «Если глазам слепого от рождения человека каким-то способом подарить зрение, станет ли он тем самым сразу видеть точно так, как все нормальные люди?» [4]. Тогда, в 17 веке, это была абстрактная постановка вопроса. Но в наше время проблема эта уже перестала быть чисто теоретической. Целый ряд проведенных экспериментов подтвердил обоснованность подозрений Молинью. Оказалось, что «прозревший» действительно поначалу смотрит, но фактически не видит. Он долгое время не может понять, что означает эта новая для него информация.

Подобная коллизия касается не только зрения, но и всего того, что мы слышим, видим, осязаем, обоняем и даже (не исключено) еще воспринимаем каким-то пока не известным нам способом. Стало понятно, что глаза и другие органы чувств — всего лишь инструменты, передающие мозгу некие сигналы. А по-настоящему видит, слышит и осязает мозг. Это он превращает полученные сигналы в форму, понятную и полезную нам.

А полезной для архитектурно-дизайнерского творчества информацией наше Подсознание буквально переполнено. Это настоящий кладезь творческих подсказок. Но если мы ими не воспользуемся, всё не востребованное нами из собственного Подсознания невозвратно исчезнет вместе с нами в момент нашего ухода в мир иной. А это непозволительная расточительность. «Информация без людей не имеет никакой ценности. Всегда необходим человек, который смог бы ее интерпретировать» [5]. Поэтому нам обязательно нужно как-то улавливать скрытую в Подсознании информацию, необходимо научиться понимать ее, чтобы применять в своем творчестве.

С этой точки зрения особенно интересны хранящиеся в Подсознании воспоминания о событиях, которые с нами хотя и произошли

реально, но выглядят совершенно необъяснимыми и поэтому невозможными. Мы их обычно считаем случайными, не полезными для нас и спокойно о них забываем. Правда, не окончательно, и они порой непроизвольно всплывают в нашей памяти. Благодаря своей странности и необъяснимости, подобные ситуации зачастую могут трансформироваться в ценные творческие подсказки, которые (если их уловить), могут подтолкнуть к новаторским решениям. Все это породило у меня желание собрать из своего Подсознания непонятные случаи в своей жизни, взглянуть на них глазами архитектора-дизайнера и попытаться их «прочесть», то есть увидеть то, на что лишь глядел.

В публикациях мемуарного характера вполне естественно рассказывать о произошедших событиях в хронологической последовательности. Но поскольку у меня интерес чисто научный, порядок изложения выбран иным. Сначала я постарался разглядеть в казалось бы

совершенно не связанных друг с другом событиях некие общие черты. Это позволило объединить свои «странные» происшествия в несколько «тематических» групп.

Первую я назвал «Переход на потребности следующего уровня». Что это такое «следующий уровень потребности»? Возьмем, к примеру, авиаконструктора, проектирующего новый пассажирский самолет. В его понимании существует явная потребность добиваться максимальной скорости своего будущего лайнера. Это сократит время полета. И конструктор поступает вполне разумно, когда при проектировании эту потребность учитывает. Однако существует еще более важная задача — сокращать время всей поездки. А этого можно достичь не только увеличением скорости самолета. Сейчас пассажиры вынуждены терять огромное количество времени, еще не поднявшись в воздух. Когда дизайнер перемещает свои основные усилия именно на эту часть поездки, это и означает, что он переходит на следующий уровень потребности. При этом потребность предыдущего уровня может остаться, а может и потерять свое значение. Увеличив еще больше скорость самолета, мы, действительно, немного сократим время поездки. Но если для этого требуется слишком много экономических, технических и других дополнительных усилий, тогда от потребности предыдущего уровня целесообразно вообще отказаться.

Примерно такая схема просматривается при анализе одной из моих «странных» жизненных ситуаций, произошедших в 1955 году во время моей учебы в МАрхИ. Нужно было выполнить учебное задание на

построение перспективы архитектурного сооружения. Существует специальный раздел начертательной геометрии, где даны правила построения перспективы. Для многих моих однокурсников это задание вызывало определенные трудности. А у меня проблем не было. При взгляде на план и другие ортогональные чертежи здания у меня в мозгу сама собой рождалась нужная картинка. Быстро и легко, без всяких правил. Как это мне удавалось, для меня и сейчас загадка. Видимо, я действовал сразу исходя из потребности следующего уровня. Однако для серьезного ответа на этот вопрос необходимы специальные научные исследования. Но наличие самого факта оспаривать невозможно.

Через 25 лет с принципиально похожей ситуацией я столкнулся еще раз во время занятий на курсах сверхбыстрого изучения французского языка Г. Китайгородской [6]. До этого мне довелось изучать (традиционными методами) в школе — немецкий, а в институте (точнее, в двух разных институтах) — английский. Везде я был сверхотличником. Но результаты очень разные. И, сравнивая их, могу утверждать со всей ответственностью, что интенсивный курс как минимум раз в десять эффективнее традиционных методов. А эффективнее он, с моей точки зрения, как раз благодаря переходу на следующий уровень потребности.

При традиционном обучении сначала нужно запомнить целый ряд правил и буквально вызубрить немалое количество слов. Но, как и в ситуации с построением перспективы, в данном случае знание правил — не самоцель. Это потребность лишь первого уровня, служащая техническим средством для достижения задачи следующего уровня — создания фраз. А интенсивный курс как раз и начинает сразу с фраз и даже целых разговоров. На самом первом занятии Г. Китайгородская говорила с нами только по-французски. И в какой-то момент я ощутил, что начинаю ее понимать. Не словесно, разумеется, а общую мысль, ее намерения по отношению к нам. И так продолжалось несколько занятий. А потом она раздала каждому по одному листочку, на котором были напечатаны правила, сказав при этом: «Но вы их уже знаете!» Я посмотрел, убедился, что действительно так, и бумажку выбросил за ненужностью.

Это не ловкий трюк, придуманный Г. Китайгородской или ее научным руководителем, выдающимся болгарским психологом Георгием Лозановым. Именно так, по сути дела, осваивает родной язык ребенок. Его не учат правилам. Они ему понадобятся потом, да и то лишь для уточнений и детализаций. В результате он осваивает (а не учит!) язык всего за каких-то

1,5 года. А мы учим иностранный язык многие годы, но зачастую так и не осваиваем его до уровня родного. Значит, что-то здесь принципиально не так.

По всей видимости, аналогичные закономерности присущи любой области человеческой деятельности. И в этом меня убеждает еще один неординарный случай в моей жизни. В 1948 году, заканчивая 5 класс, сдавал экзамен по математике. В полученном задании нужно было сначала проделать определенные 4 операции («в первом вопросе узнаем то, во втором — это… и т. д.»). В результате получалась некая дробь ab/cd. Затем вместо букв нужно было подставить определенные числа, все перемножить и получить результат. Задача представилась мне проще простого, и я сразу эту дробь написал. Не проделав ни одного из четырех необходимых для этого действий! Эту дробь я просто как бы внутренне увидел. И мне даже не пришло в голову, что действую неправильно. (Ребенок ведь тоже берет на себя смелость начать говорить, не зная ни одного правила.) Сдал листок со своим решением и спокойно ушел домой. Не сомневаясь, что отлично со всем справился.

Сейчас я представляю чувства моих учителей, увидевших содержание моего экзаменационного листка. Конечный ответ был абсолютно правильный, но откуда у меня появилась эта дробь? Во время контрольных в течение года ученик может списать какой-то промежуточный результат у кого-то из одноклассников. Но на годовом экзамене каждый получал задание индивидуальное. И, кроме того, я был одним из двух лучших учеников в этом классе. Именно у нас списывал весь остальной класс. Так какую оценку ставить мне? Любой «нормальный» вариант выглядел неправильным!

Но что значит правильно? С 14 века известен методический принцип под названием «Бритва Окама». Он гласит «Не следует множить сущности». Это означает, что любое непонятное явление следует пытаться объяснить, прежде всего, на основании тех знаний, что уже известны человечеству в данное время. Фактически, это принцип «по прецеденту», которым ученые пользуются и в наше время. Но ни одного прецедента хоть как-то похожего на мой случай моим учителям, как я понимаю, известно не было. И тогда они поставили мне 4 за экзамен, но годовую оценку вывели 5. Мотивируя, видимо, тем, что «по совести» четыре пятерки за четверти «перевешивают» одну четверку на экзамене.

Это был выход мудрый, «житейский», но никак не научный. А ведь Окама говорил, что не следует множить сущности не вообще, а лишь без

необходимости («Non sunt entia multiplicanda praeter necessitatem» [7]. Следовательно если существующими правилами объяснить явление никак не удается, требуется создавать новые правила, иные методы. В описанном инциденте мои учителя оказались в положении того самого «прозревшего» из задачи Молинью, который смотрел на неизвестный факт, но его не понимал, то есть фактически не видел. И в такой роли смотрящего, но не видящего, оказывается каждый из нас многократно на протяжении всей своей жизни.

Но иногда мы все же начинаем видеть то, на что лишь смотрели не понимая. Анализ событий, объединенных мной в группу «Переход на потребности следующего уровня», свидетельствует о том, что я, видимо, уловил информацию своего Сверхсознания. Оно подсказывало мне (и тем самым всем другим архитекторами и дизайнерам), что безусловные успехи интенсивных методов обучения иностранным языкам говорят о целесообразности воспользоваться и нам этими методами, адаптируя их применительно к своей профессии.

Теперь события, обозначенные мной как «Переход на потребности следующего уровня», уже не кажутся мне ни странными, ни случайными. Сложнее с анализом событий, которые я объединил под названием «Беспричинное внезапное изменение действия». Что это за ситуации? Мы знаем ряд случаев, когда взявшие билет на самолет вдруг перед самым рейсом совершенно беспричинно сдавали билет, а потом с этим самолетом происходила катастрофа. Изменив намеченное действие, человек оставался живым. В одних подобных случаях внезапно изменял действие сам человек, в других происходило независящее от него счастливое стечение обстоятельств. Знаменитое стихотворение Александра Кочеткова «С любимыми не расставайтесь» («Баллада о прокуренном вагоне») было написано поэтом после его «чудесного» опоздания на поезд, который затем потерпел крушение.

Со мной подобный случай произошел в марте 1953 года, когда объявили о смерти Сталина и о доступности для всех участвовать в прощании с ним в Колонном Зале Дома Союзов. Я, получив согласие матери, отправился на это прощание. Но, пройдя каких-нибудь 100–200 метров, я без всяких причин, не осознавая, что делаю, просто вернулся домой. А потом узнал, что в давке на прощании погибло немало людей. Кто знает, может и я оказался бы среди них.

В аналогичных происшествиях угроза не обязательно потенциально смертельна. Ситуация может быть более прозаичной. Важно лишь отме-

тить, что положительный для данного человека конечный результат является неожиданным для него самого. В том же 1953 году, не сумев с первой попытки выдержать экзамен по рисунку в МАрхИ, я поступил в МИИГАиК, куда выпускников с золотой медалью зачисляли без экзаменов. В этом институте на кафедре иностранных языков были только немецкий и английский. А для студентов, изучавших в школе французский, была английская группа «с нуля». Первого сентября я, естественно, оказался в немецкой группе. Но в первом же перерыве совершенно неожиданно для самого себя почему-то пошел в другую аудиторию, где занимались английским «с нуля». И меня ни о чем не спрашивая спокойно зачислили в эту группу.

Сейчас английский, безусловно, стал языком международным. А для меня постоянное чтение на протяжении многих десятилетий англоязычной литературы сделало английский основным иностранным языком. Так что мой странный поступок 1 сентября 1953 года оказался исключительно дальновидным. Но я его фактически не совершал! Точнее, его не совершало мое Сознание. И этот факт требует серьезного объяснения.

Но еще более непонятный случай произошел со мной, когда я учился в 4 классе. В домашнем задании нужно было составить предложения, в которых было бы слово «товарищ» в каждом из падежей. Мне пришла в голову мысль написать не просто «товарищ», а «товарищ Сталин». Черновик я написал буквально за одну-две минуты, и уже можно было переписывать начисто. Но мне почему-то мешал родительный падеж, где я написал: «У товарища Сталина добрая душа». Не оставляло ощущение, что что-то не так. Я это ощущение очень хорошо помню, несмотря на прошедшие с тех пор многие десятилетия. Причем, я чувствовал ошибку не в смысле правил русского языка, а как некую неправильность «вообще». Помучившись с пустяковым для меня домашним заданием целый вечер, в итоге написал «У товарища Сталина большая трубка». На следующий день учительница прочитала всему классу мое «сочинение». Все были довольны. Но, почему-то, кроме меня.

Этот совершенно не заслуживающий внимания рядовой бытовой случай многократно всплывает в моей памяти всю мою жизнь. Сейчас я очень доволен, что изменил первоначальный вариант написания. В 87 лет переживать за свои детские поступки вряд ли разумно, но у меня до сих пор ощущение некого счастливого спасения. Но почему я это сделал? Объяснений никаких до сих пор. Как и у любого — сдавшего билет на погибший самолет.

Когда я написал текст об этих трех случаях, у меня в памяти всплыл еще один инцидент, который тоже следует отнести в группу с неожиданно положительным концом. В 1962 году был организован конкурс на архитектурный проект Павильона СССР для Международной выставки в Нью-Йорке. Конкурс был закрытый. Его заказали нескольким «солидным» организациям, в то числе Институту Жилища, где я начал работать в 1960 году, после окончания МАрхИ. Меня включили в конкурсный коллектив на роль (как я теперь понимаю) художественного чернорабочего для помощи при оформлении показушной экспозиции. На десятке больших подрамников мы сотворили ряд красочных перспектив. (Как нас тогда учили в институте — почти на уровне цветных фотографий «с натуры».)

Закончив все это великолепие, поехали в Музей архитектуры, куда нужно было сдавать конкурсные материалы. И вижу там какого-то старичка, сдающего несколько не наклеенных на подрамники листов ватмана с чертежами, сделанными лишь карандашом даже не обведенными, как мне показалось, тушью. На открытых конкурсах такое не редкость — присылают свои почеркушки и домохозяйки, и пенсионеры. Но здесь конкурс заказной! Мне так захотелось объяснить этому старику, что не место ему здесь, не надо позорить себя и компрометировать серьезный конкурс. Но что-то меня буквально удержало.

Прошли годы. И как-то вспомнив этот эпизод, я задумался. Как на такой закрытый конкурс мог попасть какой-то непрофессионал? Проводить специальное расследование я, конечно, не стал. Но по целому ряду случайной информации понял, что старичок этот был не кто иной, как наш выдающийся архитектор Константин Мельников. Строго судить за излишнее самомнение совсем еще неоперившегося архитектора вряд справедливо. Но, тем не менее, как же я доволен, что «не полетел на этом самолете»!

События, сгруппированные мной под названием «Беспричинное внезапное изменение действия», — редки, но не уникальны. Их зафиксировано уже немало. Но вразумительных объяснений их происхождения до сих пор нет. А надо бы.

Есть еще несколько происшествий в моей жизни, которые я даже не решился включить в свой рассказ, поскольку у меня нет никаких, даже предварительных, соображений для их объяснения. У меня нет желания выдвигать для объяснения описанных мной странных фактов какие-то экзотические версии, если они выходят за границы современного

научного знания. Я лишь пытаюсь на основе фактов, не вызывающих у меня сомнения, сформулировать ряд вопросов, ответы на которые могут, с моей точки зрения, оказаться полезными для дальнейшего прогресса в изучении тайн архитектурно-дизайнерского творчества.

Нужны серьезные научные исследования подобных проблем. А для этого необходимо прежде всего захотеть их проводить. Эксперименты по возвращению зрения выявили неожиданный психологический феномен. Оказалось, что многие из «прозревших» как бы не хотят видеть, не желая пользоваться зрением, этим вне всяких сомнений более совершенным инструментом познания мира Они предпочитают по-прежнему пользоваться вместо этого осязанием. Так им привычнее, удобнее и кажется более надежным. С чем-то похожим можем столкнуться и мы. Г.С. Альтшуллер отмечал, что переход на более высокий уровень рассмотрения проблемы труден для специалиста чисто психологически [8]. Ведь при таком переходе жизненная ситуация изменяется настолько, что человек начинает ощущать себя перешедшим в другую профессию. Возникает чувство жизненного дискомфорта — «Всё это из чужой области, я здесь не специалист». Действительно, при переходе на новый уровень многое теряешь из своих прежних достижений. Здесь ты мастер, бывает, даже лучше всех, а там — еще не известно. Вот и получается зачастую, что, поднявшись на следующий уровень, специалист предпочитает остаться на нем до конца жизни. Успешным и довольным собой.

Это реальность. Каждый поступает, как ему удобнее жить. Это вопрос жизненного выбора.

Каждый выбирает по себе.
Щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты.
Каждый выбирает по себе [9].

(Юрий Левитанский.
«Каждый выбирает для себя». 1983 г.)

Список литературы:

1. *Альтшуллер Г.С.* Алгоритм изобретения. — Москва: Московский рабочий, 1969.

2. *Симонов П.* Избранные труды в 2 томах. Том 1: Мозг: эмоции, потребности, поведение. «Российская академия наук. Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии». — Москва: Наука, 2002.

3. *Черниговская Т.* Цифровизация и человечность. — Электронный ресурс. — URL: http://eawfpress.ru/press-tsentr/news/glav/nauka/tatyana-chernigovskaya-tsifrovizatsiya-i-chelovechnost/ (дата обращения: 13.02.2023).

4. Ivansychev. Задача Молинью: полностью восстановить зрение слепому мешает мозг. — URL: https://www.pvsm.ru/biotehnologii/163527#begi. (дата обращения: 13.02.2023).

5. *Ежова В.* Татьяна Черниговская: «Способность жить в цифровом мире». — URL: http://eawfpress.ru/press-tsentr/news/glav/nauka/tatyana-chernigovskaya-tsifrovizatsiya-i-chelovechnost/ (дата обращения: 13.02.2023).

6. Китайгородская Г. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. — 2-е изд., исп. и доп. — Москва: Высшая школа, 1986.

7. Методологический принцип философии «Бритва Оккама». — Электронный ресурс. — URL: https://blog.wikium.ru/metodologicheskij-printsip-filosofii-britva-okkama.html (дата обращения: 13.02.2023).

8. *Альтшуллер Г.С., Верткин И.М.* Как стать гением. Жизненная стратегия творческой личности. — Минск: Беларусь, 1994.